

Темп заседания оказался настолько стремительным, что акционеры попросту не успевали за ходом событий. Они чувствовали себя опешившими: собрание едва началось, а их уже в лоб поставили перед фактом голосования.

— Я выразился недостаточно ясно? — Су Юй приподнял бровь, заметив на лицах присутствующих полнейшее замешательство. — Что ж, поясню ещё раз. Прямо сейчас мы приступаем к голосованию. У вас есть десять минут. Тот, кто желает моей отставки, может отдать свой голос. У кого-нибудь остались вопросы?

«...» — судя по лицам, дополнительные объяснения мало чем помогли.

Чжао Юань тяжело кашлянул и с напускной строгостью произнёс:

— Раз Цинсун сам на этом настаивает, прошу всех хорошенько обдумать решение и приступить к делу.

Однако никто из одиннадцати акционеров не спешил проявлять инициативу. Чжао Юань и сам был не прочь проголосовать первым, но как отец Су Юя он понимал: такая поспешность будет выглядеть крайне скверно.

В зале воцарилась неловкая, почти осязаемая тишина. Он нахмурился и прищурился, подался вперёд, собираясь что-то прошептать Чжао Юаню, но тот одарил его ледяным взглядом, и парень тут же замолк.

Циньянь задыхался от обиды. Его брат, Чжао Цинсун, был самым настоящим извращенцем! Как такой человек может занимать пост президента Развлекательной компании Чжао? Это кресло по праву принадлежало ему!

Казалось бы, всё предельно просто, так почему же никто не голосует против него? Это не лезло ни в какие ворота!

В голове Циньяня, вечно работавшей со скрипом, внезапно вспыхнула догадка. Наверняка Цинсун что-то провернул! Иначе и быть не могло. Чем дольше он размышлял, тем больше убеждался: тот тайно запугал этих людей, используя какие-то грязные методы, и теперь они попросту боятся пикнуть.

В какой-то степени его догадка была близка к истине, вот только Су Юй никого не запугивал незаконно — у него на руках просто имелись неопровержимые доказательства их собственных махинаций.

Время неумолимо утекало, и Циньянь, переполненный желчью, снова потерял терпение. Наплевав на недавнее предупреждение отца, он подал голос, стараясь звучать как прилежный и любознательный юноша:

— Почему же никто не голосует? Или мы ещё официально не начали?

Взоры всех присутствующих разом обратились к нему, но никто не поспешил развеять его «недоумение».

Под таким пристальным вниманием Циньянь занервничал. Ладони мгновенно вспотели. Он незаметно вытер их о брюки и, натянув на лицо фальшивую улыбку, продолжил:

— Просто это как-то странно. Выглядит так, будто вы... боитесь.

Су Юй одарил его насмешливым взглядом.

— Ты хочешь сказать, что я прибег к сомнительным методам шантажа, поэтому они не смеют выступить против меня?

— Я этого не говорил! Просто мне любопытно. Я никогда раньше не присутствовал на таких собраниях, но разве это нормально, когда за столько времени не проголосовал ни один человек? — Разумеется, именно это Циньянь и имел в виду, но признаваться в открытую не собирался.

Су Юй понимающе кивнул и небрежно бросил:

— Раз ты этого не говорил, да и в делах ничего не смыслишь, то лучше просто помалкивай.

—... — Циньянь едва не задохнулся от ярости. Этот человек вечно бил не по правилам!

Чжао Юань строго посмотрел на Су Юя, затем обвёл взглядом акционеров. В душе он тоже чувствовал нарастающее раздражение. Реакция зала шла вразрез с его расчётами. Если так пойдёт и дальше, весь план пойдёт прахом.

— Цинсун, такое голосование действительно ставит людей в неудобное положение. Давай сменим формат, — предложил Чжао Юань тоном беспристрастного судьи.

Су Юй лишь усмехнулся:

— Отец говорит так, будто спит и видит, как меня вышвыривают из компании. Неудивительно, что вы сегодня привели с собой этого юношу — видать, заранее всё спланировали. Но не слишком ли вы торопитесь? Я ещё не покинул свой пост, а вы уже спешите представить преемника. Если слухи поползут, выглядеть это будет, мягко говоря, некрасиво.

— Что за чушь ты несёшь? — Чжао Юань возмущённо вскинул брови, изображая праведный

гнев оклеветанного человека. — Мы на совете директоров! Будь добр, вспомни о своём статусе и перестань вести себя как капризный ребёнок. Если хочешь выплеснуть характер — сделай это после собрания!

— И отец считает это уместным? Позволять какому-то невежественному юнцу распоряжаться здесь, пока я терплю ваши беспочвенные обвинения? — Су Юй равнодушно пожал плечами. — Что ж, раз он кажется вам более достойным звания «сына», то пусть так и будет.

Не давая Чжао Юаню вставить и слова, он вернулся к делу:

— Хорошо, раз отец настаивает, сменим правила. Те, кто поддерживает моё пребывание на посту президента Развлекательной компании Чжао, — прошу голосовать. Время то же: десять минут.

Услышав это, Чжао Юань и Циньянь одновременно почувствовали облегчение. Первый — в душе, второй — не скрывая глубокого выдоха.

Первые пять минут тянулись так же, как и в прошлый раз: ни одной поднятой руки. Но когда время перевалило за середину, один из акционеров, опасливо озираясь, всё же решился.

Следом за ним медленно показалась вторая рука, затем третья... Чжао Юань наблюдал за этим с позеленевшим от злости лицом. Он и в страшном сне не мог представить, что после публичного признания в гомосексуальности у Цинсуна всё ещё останутся сторонники!

Циньянь тоже скривился. Он уже начал пометать этих «предателей» в своём мысленном списке: когда он станет президентом Развлекательной компании Чжао, он им это припомнит!

Число сторонников росло, а вместе с ним и совокупная доля их акций. С трёх процентов она поднялась до семи, а к девятой минуте застыла на отметке в 21,3%.

Всё это время Су Юй вёл себя так, будто происходящее его совершенно не касалось. Он вальяжно развалился в кресле, поглядывая на собравшихся с ленивой полуулыбкой, и, казалось, вот-вот начнёт беззаботно напевать.

Циньянь сгорал от напряжения. Он заранее всё подсчитал: на собрании присутствуют двенадцать акционеров, владеющих в сумме 96% акций. Чтобы Цинсун сохранил пост, ему нужно заручиться поддержкой более чем 48%.

Сам Чжао Цинсун владел 22%. Значит, если другие акционеры дадут ему ещё хотя бы 26% — он останется в кресле президента Развлекательной компании Чжао.

Циньянь стиснул зубы. «Этого нельзя допустить!»

Осталась последняя минута. Цифра замерла на 21,3%, и новых рук не прибавлялось. Циньянь, сжав кулаки, впился взглядом в тех, кто ещё не проголосовал, безмолвно моля время идти быстрее.

— О, кажется, осталось всего тридцать секунд, — внезапно подал голос Су Юй, словно только что заметив таймер. Он обвёл зал весёлым взглядом. — Кто-нибудь ещё хочет высказаться? Советую поторопиться, время на исходе.

Циньянь вскинулся, глядя на брата, который открыто агитировал за себя:

— Брат, ты намеренно пытаешься давить на решение совета!

— Неужели? — Су Юй беззаботно усмехнулся и глянул на часы. — Осталось десять секунд. Что ж, помогу вам с отсчётом. Десять... девять...

Циньянь нервно сглотнул, вцепившись в собственные ладони. «Только бы никто больше не поднял руку. Пожалуйста, только не сейчас!»

— Восемь... семь... шесть... — продолжал Су Юй.

Циньянь плотно сжал губы. Он был натянут как струна — то ли от страха, то ли от желания рассмеяться. Осталось всего мгновение, и как только Цинсуна сбросят с пьедестала, всё это великолепие достанется ему!

В воображении Циньяня уже рисовалось блистательное будущее: он — президент Развлекательной компании Чжао, центр всеобщего внимания и восхищения!

— Пять... четыре... три... — голос Су Юя звучал ровно и отстранённо, будто речь шла о погоде.

На лбу Циньяня выступила мелкая испарина. Его бросало в жар, а от возбуждения слегка кружилась голова. Сердце колотилось в горле, дыхание стало тяжёлым и хриплым.

Всё было так близко. Стоило лишь протянуть руку...

— Два... — произнёс Су Юй.

Но в ту же секунду раздался другой голос:

— Я голосую. Я поддерживаю решение оставить господина Чжао на посту президента.

Едва эхо этих слов затихло, Су Юй закончил:

—... Ноль. Голосование окончено.

Циньянь, застывший в предвкушении, даже не успел расслабиться. Головокружение усилилось, грудь всё ещё тяжело вздымалась, но все его радужные мечты в один миг разлетелись в прах.

Словно цельное стекло, внезапно превратившееся в груды бесполезных осколков.

Разум Циньяня на несколько секунд опустел. Он медленно повернул голову к тому, кто разрушил его жизнь одним предложением. И увидел знакомое лицо. Единственное лицо в этом зале, кроме отца и брата, которое он знал.

— Дядя... Линь?

Циньянь помнил Линь Яня. Тот навещал его в школе вместе с Чжао Юанем и всегда привозил гору подарков. Тогда он трепал его по макушке и с улыбкой говорил, что он — вылитый отец, и его ждёт великое будущее.

В затуманенном сознании Циньяня тот добрый, улыбчивый образ медленно наложился на нынешний — беспощадный, уничтоживший всё.

В это мгновение Циньяню нестерпимо захотелось плакать. Разве Линь Янь не был верным соратником его отца? Разве он не должен был быть на его стороне? Почему именно он в самый решающий миг растоптал все его надежды?!

И Чжао Циньянь, не выдержав, громко зарыдал.

<http://bllate.org/book/17580/1714438>